

разом, ясно, что авторы пользовались разными источниками и что Геродот переработал свой источник и представил нам рассказ о Гиге в виде новеллы.

Из текста же Птолемея понятно, что в рассказе присутствовал эпизод с дверью, как у Геродота, а также, что Гиг имел волшебное кольцо, как в сказке у Платона. Поэтому возможно предположение о том, что в более позднее время произошло сближение версий этих двух авторов. Но если это было так, то оставалось непонятным, каким образом царица увидела Гига, ставшего благодаря кольцу невидимым. Вероятно, для объяснения этого и появился драконтов камень, сделавший Гига зримым для царицы. Во всяком случае ясно одно, что чем дальше отодвигались события, связанные с убийством последнего царя из династии Гераклидов, тем в менее реальной обстановке действовали герои. Очевидно, в этом была повинна устная традиция о Гиге, которая продолжала существовать после Геродота и Платона и которая снабдила рассказ дополнительными, в данном случае фантастическими, деталями.

П р и м е ч а н и я

¹ Frisinger, E. in: *Die Lyriker / Bearb. v. Snell*. Berlin, 1922, Bd. II.

² Smith, K.F. The tale of Gyge and the king of Lydia. — *American Journal of Philology*, 1902, vol. 23, p. 400.

³ Д о в а т у р А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Д., 1957, с. 94.

Б.В. Вальченко

К ВОПРОСУ О ПОВТОРАХ У ГРЕЧЕСКИХ ОРАТОРОВ IУ в. до н.э.

Ораторская проза эпохи борьбы Афин за свободу и независимость, прошедшая сравнительно короткий, но плодотворный путь

своего развития от Лисия до Демосфена, отличается как жанровым разнообразием, так и богатым арсеналом самых различных средств убеждения. На первый план к этому времени выдвигается искусство политической речи, по существу, представленное для нас лишь речами Демосфена. Борьба партий, многочисленные политические процессы вызвали к жизни качественно новый жанр красноречия — судебно-политический. Близкое родство обоих жанров — политической и судебно-политической речи, большее или меньшее влияние первого на последний, обусловили появление в них некоторых общих элементов стилистико-композиционного характера.

Художественные достоинства политической речи Демосфена никогда не ставились под сомнение. Однако все попытки установить строгую логическую структуру его политической речи не дали желаемых результатов.¹ Действительно, если иметь в виду традиционную схему построения речи, то она у Демосфена едва намечена. Ее место занимает система повторов, постоянное возвращение к какому-то определенному положению. Как верно выразился В. Кролль, воздействие политических речей Демосфена основывается на повторении известных мыслей, которые "вбиваются" в головы слушателей.² нечто подобное мы встречаем также и в речах жанра судебно-политического красноречия. Однако в подавляющем большинстве случаев здесь применяются чисто эстетические критерии, односторонность которых очевидна уже в силу специфики самого жанра. Пытаясь выяснить природу этого явления, мы должны поставить вопрос несколько иначе: согласуется ли рассматриваемый способ построения речи с основной задачей оратора — убеждением, и как он соотносится с общей литературной традицией? Разумеется, в пределах данной статьи не представляется возможным охватить весь богатый материал красноречия IV в. до н.э. Поэтому мы остановимся лишь на некоторых ключевых моментах истории ораторского искусства, с тем чтобы наметить общие тенденции судебного красноречия в выборе средств убеждения.

Аристотель в одном месте своей "Риторики" (III, 12, 1413b, 4-34), сравнивая стиль речи письменной и устной,

определяет повторение как прием, пригодный исключительно для сцены, и, указывая на то, что к нему прибегают ораторы, считает это положение естественным. Заметность повторения одного и того же при чтении речи устраняется, по его словам, интонацией при устном ее произнесении. Причем эффект повтора заключается в том, что из-за неоднократного обращения оратора к тому же самому у слушателя возникает впечатление полноты информации о предмете. Другой, менее значительный источник по теории красноречия, но, что важно, восходящий также к IV в. до н.э., — "Риторика к Александру", приписываемая сначала Аристотелю и затем Анаксимену из Лампасака,³ — настоятельно рекомендует повторять ранее сказанное. По определению Анаксимена (I, 207, 20), повторение (*καλλιλογία*) есть краткое напоминание (*σύντομος ἀνάμνησις*), которое следует делать при подытоживании (*ἐν κεφαλαίοις*). *Καλλιλογία*, по его мнению, полезна в любом случае — и при защите и при обвинении (I, 236, 13) и особенно в конце речи, если будет говориться совокупно о том, о чем было уже сказано в отдельности (I, 209, II). Судя по этим замечаниям, повторение, согласно Анаксимену, представляет собой не что иное как резюме⁴ в отдельных частях и конце речи и значительно отличается от такового у Аристотеля. И тем не менее одно место (I, 209, 10-11) дает основание для заключения о том, что Анаксимен знал и другое назначение повторения. Однако вопреки Аристотелю он видит в *καλλιλογία* не один из способов убеждения слушателей, а лишь прием удлинить речь и рекомендует при этом всячески разнообразить изложение.

Иное содержание в термин *καλλιλογία* вкладывается позднейшими риториками. Чаще это — повторение того же самого слова или удвоение (*reduplicatio, iteratio*) последнего члена синтаксической группы (Aquila, 29-32; (Rufin.) *De schematis lexeon*, 7-8; Capella, *De arte rhetorica*, 40-41 (Halm)). Совершенно повторение, т.е. повторение отдельной мысли, именуется *exprolitis* (*Rhet ad Herenn.*, IV, 45). Причем, если эта мысль является центральной, то прием получает наименование *oemphogatio* (*Rhet ad Herenn.*, IV, 54; ср. Cic., *De orat.*, III, 53).

Автор "Риторике к Гереннию" четко различает два вида *expositio*: повторение той же мысли посредством изменения языкового выражения и разработка главной мысли с помощью других. Таким образом, уже во времена Аристотеля теория видела в повторении не столько слабую, сколько сильную сторону, что в дальнейшем дало право риторам отнести его к фигурам мысли.⁵

Как известно, жизненная практика не во всем согласуется с теорией. Примером этому служит Исократ с его учением о художественном стиле эпидейктической речи и нескрываемым презрением к сочинителям судебных речей (XV, 49), вообще отрицательно относившийся к каким бы то ни было повторам, разве что за исключением тех, которые образуют фигуры речи. Так, в речи против Каллимаха (XVIII), написанной Исократом в пору его логографической деятельности, бевмянный обвинитель, опасаясь политического приговора судей, вынужден был апеллировать к соглашениям, заключенным гражданами после смутного времени политических переворотов и восстановления демократии (403 г. до н.э.). Понимая, что это единственный сильный пункт в его защите, он подчеркивает важность этих соглашений (27), приводит аналогии общественного (28) и политического характера (29), любым способом стремится направить внимание судей в эту сторону (31, 42, 45, 46, 47). Оговорка оратора относительно допущенной им "обстактности" (42) не только указывает на его собственную точку зрения на повторение, но и говорит о том, что от повторов не был свободен даже такой пурист стиля, как Исократ. Разумеется, они были вызваны не ориентацией на определенный художественный стиль, а конкретной деловой ситуацией, в которую попал подопечный логографа.

Красноречие Антифонта и Лисия, преимущественно судебное, с его ярко выраженным этическим началом (особенно у последнего) и отсутствием истинного патоса, еще не знает широкого применения повторов. Новая эпоха в истории красноречия начинается с Исея. Именно у Исея находим все зачатки развитого искусства Демосфена (Dionys. Hal. De Isae., 20): тонко и детально разработанную аргументацию, свободу обращения с традиционной схемой построения судебной речи, наличие патоса и

разнообразие стилистических приемов. Особо отметим интересующую нас и характерную для Исея деталь — если и не систематически, то довольно часто подчеркивать важное, с его точки зрения, обстоятельство. В речи "О наследстве Кирона" (VIII) такое обстоятельство, по его мнению, состоит в том, что противники тяжущегося не осмелились представить рабов для пыток, избежав тем самым явных улик. Эта мысль в тех же словах повторяется в речи еще несколько раз (I, 13, 17, 28, 29). Еще более яркий случай этого характерного приема искусственного подчеркивания мысли дает речь "О наследстве Дикайогена" (V, I, 2, 4, 18, 20, 21, 24, 27). Здесь навязчиво указывается на то, что Дикайоген отступился от двух частей наследства, а Леохар поручился за него, но на деле не было выполнено ни то, ни другое (19). Исей использует самый простой прием повтора, не проявляя заботы об изменении словесного выражения. Оратор воздействует здесь не на чувства слушателя, а на его разум путем сухой и бесстрастной логики, как бы подсказывающей слушателю единственно правильный вывод. При этом важным оказывается, чтобы слушатель не забыл исходного положения, от которого отталкивается оратор. Каким образом это можно было бы сделать легче всего, если не повторением центральной мысли? Безусловно, с художественной точки зрения, такой способ доказательства нельзя назвать приятным, однако с позиций простого убеждения он, по-видимому, оправдывал себя полностью.⁶

Уже в древности не остались незамеченными повторы, встречающиеся у Демосфена. Феон в связи с этим пишет, что для него характерно повторяться не только из речи в речь, но и в пределах одной речи говорить то же самое бесчисленное количество раз и при этом не обнаруживать себя благодаря пестроте (*ποικιλία*) изложения (Prologum. II, 63, 31 (Spengel)). Замечание в высшей степени справедливое. И тем не менее там, где повторение слишком бросалось в глаза, ученые нового времени, не допуская недостатков у такого оратора, как Демосфен, видели либо интерполяцию, либо плохую сохранность текста.⁷ Именно на этом основании, не исключая, правда, и других, речь Демосфена против Мидия (XXI) считается первоначальным наброском.⁸ Рас-

омотрим, однако, метод повторения у Демосфена. Хороший пример в этом отношении дает нам речь "О недобросовестном посольстве" (XIX). Из всех многочисленных проступков, инкриминируемых Эсхину, центральное место, без сомнения, принадлежит обвинению во взяточничестве. Надо думать, если бы Демосфену удалось убедить судей в том, что Эсхин подкуплен Филиппом, то все обвинение в целом имело бы под собой хорошую опору. Уже с самого начала оратор вводит общую мысль о взяточничестве участников посольства (4), усиливает ее приемом амплификации (7), затем останавливает внимание слушателей на Эсхине и Филократе (8), и далее упоминания о продажности обвиняемого идут нескончаемым потоком (9, II, I2, I3, I6, 27, 28; 68, 88, 94, 97, IOI, IO2, III, II4, II5, II8, II9, I20, I2I, I27, I33, I42, I46, I47, I49, I56, I66-168, I78, I79, I80, I82, I83, I84; 201, 205, 208, 209, 220, 223, 229, 23I, 232, 243, 245, 254, 255, 258, 268; 286, 289, 292, 293, 299, 30I, 308, 3I3; 328, 329, 33I, 333, 335, 340, 343). Регулярность повтора достаточно высока, и промежуток обычно не превышает десяти параграфов. Большие промежутки встречаются только в четырех местах речи, где оратор на время оставляет личность обвиняемого и разбирает вопросы более общего характера (29-67, I85-200, 267-285, 3I4-327). Несмотря на такую значительную частотность повторов, Демосфен в отличие от Исея нигде не допускает идентичности мысли и выражения. Даже само понятие взяточничества варьируется в самых различных словах и выражениях. Наиболее часто встречается: *δῖρα* (*χοῖματα*, *μισθοῦς*, *ἀργυρίων*) *λαμβάνειν* или *ἔχειν* (4, 7, 8, 9, II, 88, 94, IOI, II4, II5, II9, I47, I78, I84, 205, 207, 209, 23I, 232, 243, 245, 254, 299, 3I3, 328, 333). Другие, менее часто появляющиеся слова - *δωροδοκεῖν*, *δωροδοκῶς*, *πικράσκεῖν*, *αἰσχροκερδία*, *μισθῶν*, *ἀποδοῖναι* (*χοῖματα*), *προδοῖναι*, *προδοτής*, *μισθῶτής*, *μισθάρνειν*, *διαφείρειν*. Все это богатство синонимии дополняется системой стилистических средств. Нередко Демосфен прибегает к синтаксическим средствам (I83, 232, 258, 268, 289, 299), риторическому вопросу (I46, 292, 343), прямой речи (I20, 209), подчеркивает свою мысль в форме как простого утверждения, так и отнесения обвиняемого к

группе лиц (68, 88, 97, I42, I49, I56), пользуется парными синонимами и синонимическими оборотами (8, II, I3, IOI), обращается к иронии (I2) и едкому сарказму (254-255). Рассеянные по всему тексту речи замечания такого рода и искусно скрытые от невооруженного глаза, отнюдь не дают повода для упреков Демосфена в многословном однообразии. И тем не менее наличие повторов отрицать невозможно. Вместе с тем была бы совершенно напрасной попытка установить какие-то закономерности относительно расположения повторов.⁹ Демосфен, как правило, проводит свою мысль бегло, вскользь, вставляя ее при каждом удобном случае. Здесь нет ничего похожего ни на *expositio*, ни на *comparatio*, ни на *καλλιλογία* в духе Анаксимена. Это, скорее всего, напоминание (*ἐπιτροπή*) с установкой на укоренение данной мысли в сознании слушателей.

Никто из аттических ораторов не заслужил столь многочисленных упреков со стороны современных ученых за частые повторы и вследствие этого кажущуюся монотонность изложения, как Ликург.¹⁰ Современник Эсхина и Гиперида Ликург, пожалуй, ни с одним из них не имеет столько общих черт, сколько с Демосфеном.¹¹ Во всяком случае, с рассматриваемой стороны Ликург гораздо ближе стоит к Исею и Демосфену, нежели к своему учителю Исократу. Трудно утверждать, сказалось ли в этом время времени и пример Демосфена, или Ликург полностью обязан самому себе, но и у него, как и у Демосфена, хорошо ощущается это постоянное стремление к повторению той или иной мысли. Однако стиль повторения у Ликурга совершенно отличен от демосфеновского. Он не уклоняется от многократного употребления одного и того же слова.¹² Вся речь Ликурга развивается под аккомпанемент слов, связанных с побегом обвиняемого (8, I7, 38, 89, 97). Соединение глаголов *καταλείπειν*, *ἐκλείπειν* с различными существительными мы встречаем множество раз. Все это слова высокого стиля: *κλίσις* (2, I8, 43, 90, I23, I34, I45, I47), *πατρίς* (52, 63, I30, I44, 78), *τέρα* (2), *χώρα* (25, 38), *ὄμιλος* (II6), *ὄμιος* (I43). Зачастую упомянутые существительные образуют синонимические пары. Таковую же картину мы наблюдаем в связи с глаголом *φεύγειν* и

существительным φύσις (19, 121, 142, 145, 22). По этому же способу (расширять одно понятие, выраженное глаголом или существительным, посредством сочетания с рядом других, более или менее близких по значению слов) строятся другие повторяющиеся мысли. Нередки и случаи дословного повторения (77, 43, 57, 44, 36, 43, 5, 86, 88, 104, 107). На протяжении всей речи оратор не устает подчеркивать тяжесть проступков, совершенных Леократом (18, 26, 28, 32, 76, 97, 116, 134, 137). И как итог — настойчивый вопрос к судьям: "Неужели же вы ... не предадите смертной казни этого человека ...?" (27, 78, 110, 121, 123, 141, 150). Ликург пользуется достаточно узким кругом лексикой, и если в целях предложения и больших синтаксических группах чувствуется стремление хотя бы к легкому изменению конструкции, то отдельные сочетания слов, как правило, образуют монолитные нерасчленимые единицы. Итак, мы должны указать на отсутствие у Ликурга той *επιπέδη*, которая характеризует Демосфена. Его способ повторения, лишенный богатого разнообразия стилистических украшений, основывается на сравнительно небольшом количестве тех же слов и выражений, имеющих яркую экспрессивную окраску. И если Демосфен пользуется скрытыми формами подчеркивания мысли, то Ликург делает это открыто, с той же настойчивостью, что и Демосфен, но не так сухо и рассудочно, как Исей. Уже одно то, что мы наблюдаем здесь систему, а не ряд похотких спорадических замечаний, позволяет нам говорить о сознательной ораторской технике Ликурга. Техника эта теснейшим образом связана с парадигматическим характером всего изложения. Обычно частный вывод, иногда сильно расширенный посредством синонимических оборотов, в более или менее варьированной форме и с содержанием, уже знакомым слушателю, вытекает из какого-то общего суждения, которое может представлять из себя либо топос, либо экскурс, либо *παράδειγμα* в собственном смысле. Основным приемом при этом становится сравнение, строящееся на контрасте или подобии. Введение общей мысли зачастую делается по принципу свободной ассоциативной связи. Проиллюстрируем это положение примером. "Я прошу вас, афиняне, выслушать меня ..." (16). Затем следует описание и вывод, со-

проводимый противительной частицей: "Леоkrat же (εἰ) ни о чем об этом не думал ..." (17; ср. 36, 13, 46, 51, 83, 89). Прием амплификации, к которому постоянно прибегает оратор,¹³ неизменно приводит его к повторению центральной мысли, которое, в свою очередь, служит тем же целям ораторского расширения. Подобная организация материала имеет как бы два плана — логический и психологический,¹⁴ которые сосуществуют и дополняют друг друга. Логическая диспозиция (у Ликурга она прослеживается довольно четко) направлена на упорядоченное разворачивание мыслей, в то время как роль психологического плана — держать в постоянном эмоциональном напряжении слушателя. Сходное, но отнюдь не идентичное, построение речи мы встречаем у Исея и Демосфена. Именно этим трем ораторам, по замечанию древних, присуща так называемая *δεινότης* — искусство владения действенной, убедительной речью ([Plat.] *Denifit* 413A).¹⁵ В этом отношении для нас особую ценность представляет отзыв Дионисия Галикарнасского о Ликурге (*Dionys. Hal. Peri technes* — *Orator.* II, p. 219, 9 *Uvener* — *Radermacher*), который рекомендует подражать ему более всего в *δεινότητι*. Понятие *δεινότης* (*Quint. VI, 2. 24; Arist. Rhet., II, 24, 1401b 3*),¹⁶ связанное с возбуждением патетических аффектов (*πάθος δεινότης*), полностью соответствует той форме внутреннего построения судебной практической речи, с какой мы сталкиваемся у Ликурга, Исея и Демосфена.

П р и м е ч а н и я

¹ D e l a u n o i s M. Le plan rhetorique dans l'éloquence grecque d'Homère à Démosthène. Bruxelles, 1964, p. VII.

² K r o l l W. Real-Encyklopädie der Altertumwissenschaft. — Rhetorik., Suppl. 1910, Bd. VII, col. 1069.

³ F u h r m a n n U. Untersuchungen zur Textgeschichte der pseudaristotelischen Alexander-Rhetorik. Wiesbaden, 1961, S. 143 sqq.

⁴ Ср.: Greek - English lexicon / By H.G. Liddel, R. Scott, H.S. Jones. Oxford, 1953, s.v. καλλιλογία — recapitulation.

⁵ Аноним Schemata diacoeas (Halm), 7, s.v. ἐπι-
μονή: repetitio orebra sententiae; ср.: Cic., De orat., III,
53; Quint., IX, I, 27-28.

⁶ На такой же характер повторов в III речи Исея (37, 39,
45, 48, 49, 51) указывает Ф. Бласс (В л а с с Ф. Die atti-
sche Beredsamkeit. Leipzig, 1868, Bd. I, S. 490).

⁷ См., например, о повторном обращении Демосфена к молит-
ве (§ 8) в речи "О венке" у А. Кирхгоффа (К и р х -
г о ф ф А. Über die Redaktion der demosthenischen Kranzrede.
Berlin, 1875, S. 80).

⁸ Историю вопроса см.: Л у н ь я к И. Риторические этю-
ды. СПб., 1881, с. 102-107.

⁹ О композиции этой речи см.: G i l b e r t O. Die Re-
de des Demosthenes περί παρακροβείας. Berlin, 1873.

¹⁰ Е l i a s S. Quaestiones Lyourgese. Halle Saxonum,
1870, p. II-12; М а у е г Н. Observationes in Lyourgii ora-
toris usum dicendi. Friburgi, 1889, p. 5, n. 2; D u r g -
b a c h F. L'orateur Lyourgue. Étude historique et littérai-
re. Paris, 1890, p. 183.

¹¹ Повторение обычно связано с патосом (правда, под это
правило не подходит Исей), а значит — со страстью и проникно-
венным. Гиперид, ораторскую манеру которого древние сближали
со стилем Лисия (см., например, его характеристику у автора
"О возвышенном" XXXIV, 124), этими качествами не обладал. Сла-
бое отражение приема находим у Эсхина в его речи против Тимар-
ха (I).

¹² R e h d a n t z C. Lykurges' Rede gegen Leokrates.
Leipzig, 1876, S. 61, 68.

¹³ Об этом см.: N a v a r g e O. Essai sur la rhétori-
que grecque avant Aristote. Paris, 1900, p. 309;
P l ö b s t W. Die Auxesis. München, 1911, S. 28.

¹⁴ Пользуемся здесь термином, предложенным М. Делонуа
(D e l a u n o i s M. Le plan rhétorique dans l'éloquence
grecque d'Homère à Démosthène, p. 7).

¹⁵ См. также: М е л и к о в а - Т о л с т а я С. Антич-
ные теории художественной речи в кн.: Античные теории языка и
стиля / Под ред. О.М. Фрейденберг. М.; Л., 1936, с. 161;
V o i t L. Deinotes ein antiker Stilbegriff. Leipzig, 1934,
S. 3 sqq.

¹⁶ См. также: V o l k m a n n R. Die Rhetorik der
Griechen und Römer, Leipzig, 1885, S. 447; L a u s -
b e r g H. Handbuch der literarischen Rhetorik. München,
1960, Bd. II, S. 143-144.

Н.А. Чистякова

СУДЬБА ГРЕЧЕСКОЙ ЭПИГРАММЫ В РЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ IV в. до н.э. (Эпиграмматическое творчество Платона)

Согласно античным свидетельствам философ Платон первым
стал сочинять литературные, т.е. независимые от мемориальных
предметов, эпиграммы и даже явился создателем столь распро-
страненных впоследствии любовных эпиграмм.¹ С именем Платона
дошло до нашего времени свыше тридцати эпиграмм. Но уже в ан-
тичности были высказаны первые сомнения в их авторской атрибу-
ции. Зачастую эти эпиграммы цитируются с двойным именем, что
обычно характерно в тех случаях, когда подлинное имя автора
неизвестно. Иногда имя Платона указано в заведомо позднем или
же малодостоверном источнике, а в прочих эта же эпиграмма
представлена анонимной. Наконец, кроме Платона философа среди
авторов эпиграмм встречаются некий Платон Младший и Платон
Комедиограф.²

Неизвестна история текста платоновских эпиграмм. Предпо-
ложение о существовании отдельного авторского сборника, утра-